

съ кѣмъ не переходила границъ обыкновеннаго невиннаго женскаго кокетства. Известное свиданіе ея съ Дантесомъ на квартирѣ Идалин Полетики, объяснимое психологически, никакъ не могло имѣть того характера, который придалъ ему покойный Щеголевъ. М. Л. Гофманъ приводитъ по этому поводу рядъ, на мой взглядъ, правильныхъ и совершенно неопровержимыхъ соображеній.

Заслуживаетъ вниманія и то, что М. Л. Гофманъ говоритъ о роли Геккерена въ исторіи дуэли.

Какъ видимъ, прекрасная книга С. М. Лифаря полна живого интереса. Первое ея изданіе въ количествѣ 210 экземпляровъ, мало доступное широкимъ кругамъ по своей высокой цѣнѣ, разошлось. Второе, гораздо болѣе дешевое, съ меньшимъ числомъ фототисей, напечатано не такъ роскошно, но все же очень изяшно.

Мы должны принести С. М. Лифарю самую горячую благодарность за этотъ дорогой всѣмъ русскимъ подарокъ.

Н. Кульманъ.

Г. Федотовъ. Стихи духовные (Русская народная вѣра по духовнымъ стихамъ). УМСА-Press. Paris, 1935.

У насъ существуетъ большая литература, посвященная духовнымъ стихамъ. Начиная съ П. В. Кирѣевского, историко-литературная школа ученыхъ много работала надъ собираніемъ и изученіемъ этихъ драгоценныхъ памятниковъ русскаго фольклора. Направление всей исследовательской работы было дано замѣчательнымъ трудомъ А. Н. Веселовскаго «Разысканіе въ области русскихъ духовныхъ стиховъ». Но ученые XIX вѣка занимались исключительно сюжетнымъ матеріаломъ стиховъ и ихъ книжными источниками. При такой сравнительно-исторической точкѣ зрѣнія вопросъ о религіозномъ содержаніи памятниковъ даже и не поднимался.

Работа Г. Федотова является первой попыткой, на основаніи духовныхъ стиховъ, выяснить религіозное міросозерцаніе русскаго народа. Ему принадлежитъ инициатива новаго заданія и новаго метода, плодотворность которыхъ несомнѣнна. Работая надъ известнымъ и, казалось бы, детально изученнымъ матеріаломъ, авторъ приходитъ къ выводамъ, которые могутъ поразить своей неожиданностью и заставить задуматься надъ привычными оцѣнками «русской души» и «русскаго духа».

Народная вѣра, нашедшая свое выраженіе въ духовныхъ стихахъ, во многомъ не совпадаетъ съ церковнымъ православіемъ. Народъ плохо знаетъ св. Писаніе: онъ черпаетъ свое вдохновеніе изъ житій святыхъ и апокрифовъ, церковныхъ пѣснопѣній и иконописи. Поэтому народная догматика бѣднѣе и неустойчивѣе церковной: имя Св. Троицы воспринимается народомъ какъ имя женской божественной сущности и таинственно связывается съ Богородицей.

Въ духовныхъ стихахъ образъ Христа-Спасителя и Искупителя — совершенно заслоненъ образомъ Христа-царя, владыки и грознаго суди: Онъ оставилъ міру свой законъ, «книгу», по которой будетъ су-

дится родъ человѣческой. Г. Федотовъ справедливо сопоставляетъ народный образъ Христа съ распространенной на Руси иконой Господа Вседержителя, «Пантократора»: народъ не знаетъ «кенотического» Христа, закрываетъ глаза на Его страсти и жертву за мѣръ. Какъ объяснить это искаженіе Христова ликъ? Авторъ предлагаетъ крайне интересную догадку: эпоха, въ которую расцвѣли духовные стихи, характеризуется преобладаніемъ юсифлянскаго направленія въ московскомъ благочестіи; законничество и обрядность давили на религію жертвы и любви; власть Бога сближалась съ властью царя въ періодъ роста московскаго самодержавія. Но подавленная этой ложной, официальной христологіей, народная религіозность ищетъ образъ любящаго и страдающаго Христа въ Его святыхъ.

Можно ли распространить эти выводы на весь русскій фольклоръ и утверждать, что народъ вообще не знаетъ образа Спасителя непосредственно, а видѣлъ Его только въ преломленіи агіографіи? Окончательный отвѣтъ будетъ возможенъ только тогда, когда за частнымъ изслѣдованіемъ Г. Федотова послѣдуютъ изслѣдованія всего русскаго народнаго творчества съ указанной имъ религіозной точки зрѣнія. Но, кажется, онъ самъ не склоненъ приписывать своему выводу всеобщаго значенія. Духовные стихи отражаютъ настроенія не всей народной массы, а лишь «близкаго къ церкви слоя народной полу-интеллигенціи». «Въ народной сказкѣ или въ «легендѣ», пишетъ онъ, ...мы найдемъ иной образъ Христа, добраго и человѣчнаго, близкаго къ народу, того странника по лицу русской земли, о которомъ говорятъ извѣстные стихи Тютчева».

Изученіе «народной вѣры» на основаніи всего фольклора насущно необходимо. Вѣдь вопросъ ставится о смыслѣ и оправданіи всей русской религіозной философіи. Правы ли были славянофилы въ своемъ ученіи о народѣ, правъ ли былъ Достоевскій, утверждая, что русскій народъ знаетъ живой образъ Христа и только Его и знаетъ?

Не менѣе важны и значительны выводы автора въ связи съ народной вѣрой въ Богородицу и съ «софійнымъ» чувствомъ Матери-Земли. «Если называть софійной, пишетъ онъ, всякую форму христіанской религіозности, которая связываетъ неразрывно божественный и природный міръ, то русская народная религіозность должна быть названа софійной». Народъ чувствуетъ божественную основу міра: весь міръ освященъ кровію Христа и слезами Богородицы, пронизанъ Святимъ Духомъ.

Народной космологіи противостоятъ мрачная народная эсхатологія. Религіозный и художественный теніи народа особенно проявились въ повѣствованіяхъ о Страшномъ Судѣ. «Страшный Судъ», пишетъ Г. Федотовъ, — источникъ не удовлетворенія, а ужаса. Ужась безвыходный, не знающій искупленія, проходящій сквозь всю русскую Божественную Комедію. Все народное творчество глубоко пессимистично: земная жизнь — мука, загробное существованіе — адъ, идеаль святости — отреченіе и страданіе.

Г. Федотовъ правъ, говоря: «Какъ мало мы знаемъ нашъ народъ».

Область народного творчества и дониндѣ для насъ «земля невѣдомая». Первая его развѣдка въ эту страну — плодотворна и своевременна.

К. Мочульскій.

А. Л. Бемъ. У истоковъ творчества Достоевскаго. Сборникъ статей, III. Прага, 1936.

Въ этомъ сборникѣ авторъ объединилъ статьи, опубликованныя раньше имъ отдѣльно, переработавъ и дополнивъ ихъ. Основная тема: вопросъ о вліяніи на Достоевскаго Пушкина, Гоголя, а также Грибоѣдова. Два этюда посвящены вопросу объ отношеніи Достоевскаго къ Толстому. Для установленія степени и характера вліянія на Достоевскаго его предшественниковъ, авторъ пользуется методомъ, который я называю методомъ сличенія и изслѣдованія «родимыхъ пятенъ». А. Л. Бемъ сознаетъ, сколь осторожно надо пользоваться методомъ подобныхъ сличеній и неоднократно оговаривается, что идяя схожія между собою мѣста у различныхъ авторовъ могутъ объясняться простымъ совпадениемъ. Однако, матеріалъ, надъ которымъ онъ работаетъ, такого рода, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ никакихъ сомнѣній относительно зависимости Достоевскаго отъ названныхъ писателей не остается: слишкомъ ужъ много этихъ «родимыхъ пятенъ» и слишкомъ ужъ они специфичны. Къ тому-же самъ Достоевскій неоднократно заявлялъ, какъ велико было это испытанное имъ вліяніе (Пушкина и Гоголя). Фактъ его зависимости отъ нихъ, а также много изъ того, что было имъ заимствовано, — все это установлено было уже давно, какъ это отмѣчаетъ А. Л. Бемъ. Но имъ сдѣланы и рядъ новыхъ сопоставленій — причемъ показательно, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ онъ указываетъ, были сдѣланы другими новѣйшими изслѣдователями независимо отъ него: лишнее доказательство ихъ очевидности. Что касается вліянія на творчество Достоевскаго «Горя отъ ума», то на него, если не ошибюсь, пролить свѣтъ авторомъ впервые. Но и тамъ, гдѣ онъ продолжаетъ работу, начатую другими, онъ даетъ немало новаго. Не ограничиваясь отдѣльными сопоставлениями, онъ ставитъ своей задачей прослѣдить, какъ образы Гоголя, Пушкина (Германъ), Грибоѣдова (Чацкий) органически росли въ сознаниіи Достоевскаго, какъ ремниспециіи произведеній названныхъ писателей всплывали въ различныхъ его твореніяхъ, и это является для него исходной точкой для уясненія развитія творчества Достоевскаго, для возстановленія, такъ сказать, генеалогіи его персонажей. Въ этомъ отличіе работы Бема отъ работъ ряда другихъ новѣйшихъ изслѣдователей, такъ наз. «формалистовъ», которыхъ интересуетъ почти исключительно проблема генезиса стилия Достоевскаго, его внѣшнихъ пріемовъ. Въ общемъ, заимствования Достоевскаго сводятся, какъ это установлено авторомъ, къ двумъ категоріямъ: наѣрничная (изъ Гоголевскаго «Носа» для «Двойника», напр.), гдѣ онъ, какъ-бы пародируя свой образецъ, либо полемизируетъ съ нимъ, либо выноситъ свой моральный приговоръ его «герою» (такъ, путемъ